

У так называемого чуда Зимней войны исторические корни. Слова шведского наблюдателя, что в 1940 г. «на Карельском перешейке победил фенрик Стооль», едва ли можно считать полным искажением действительности, хотя финны, в действительности, там победы не одержали.

В качестве туриста в Петербурге

Петербург, *Pietarpori* был, как известно, судьбоносным для финнов городом, который, как верил уже Хенрик Габриель Портан, влечет Финляндию за собой, что позже и произошло. Спесивый русский протолкнулся к морю, к Финскому заливу и написал на своей памятной медали жителям края: *Finnia, ecce tridentem*¹. Эта ситуация близка к той, которая позволила в свое время австрийцам потребовать, чтобы швейцарцы ломали шляпы перед господствующим народом.

В действительности море оказалось своенравным. Несмотря на свою тесноту и отчасти благодаря ей Финский залив и Балтийское море могли и бросить вызов. Шведский флот, особенно в союзе с английским или немецким, доставлял российским стратегам головную боль в XVIII и XIX столетиях. В войне Густава III только счастливая удача и неумелость противника спасли Петербург от большой опасности. Англия и Франция бесчинствовали на Балтике во время Крымской войны как душе вздумается. Одна Германия была опасным противником в период Первой мировой войны, хотя Россия владела Аландскими островами и держала основные силы флота в Гельсингфорсе, готовая отразить возможное нападение на Петроград. Во время Второй мировой войны Германии и Финляндии (!) в довершение всего посчастливилось запереть весь Краснознаменный Балтийский флот в огромном стальном мешке в самом конце Финского залива, приблизительно в том самом месте, для которого справедливо использовалось название «Маркизова лужа». Это была территория для маневров флота, которая получила свое

---

¹ Речь идет о легенде на медали, выполненной Ф.Г. Мюллером в память открытия мореплавания на Балтике в 1703 г. На ней слова по кругу и в обресе представляют собой единое целое: «FINNIA ECCE TRIDENTEM... NAVIGATIONE IN MARE BALTICO STABILITA» («Финляндия, вот трезубец!.. Плавание по Балтийскому морю установлено»).

название в память о морском министре маркизе де Траверсе, служившем также комендантом Роченсальма (Котка).

Петербург всегда был для финнов значимым городом. С перешейка туда ездили постоянно. Из Восточной Финляндии и понемногу из других мест в Петербург начали ездить в поисках работы более или менее постоянно. Количество проживавших в XIX столетии в Петербурге постоянно и официально — «по паспорту» — подданных Великого княжества все росло и достигло почти двадцати тысяч. В условиях того времени это было очень много, т. к. урбанизация в самой Финляндии находилась еще в детском возрасте. Кроме того, в финских городах по большей части говорили по-шведски, в том числе и в Гельсингфорсе, в котором из 23 000 жителей в 1875 г. только около трети говорили по-фински. Количество говорящих в Гельсингфорсе по-русски достигало тогда примерно 10 %, остальные, разумеется, говорили по-шведски, как и на всем побережье с незапамятных времен. Говорящее по-фински население стало составлять большинство в Гельсингфорсе только в начале XX в. В XIX столетии по-фински говорила только сельская глубинка. Как «финский» город Петербург, таким образом, также был очень значимым.

Многие из петербургских финнов в XIX в. говорили по-шведски, если они принадлежали к приходу Святой Катарины. Финский приход Святой Марии со своей стороны стал значительным центром феннизации, в котором была основана финская высшая школа еще до того, как таковые появились в самой Финляндии. Благодаря рвению педагога Уно Чюгнеуса, бывшего ранее священником на Аляске, в имперской столице развивалось дело просвещения на финском языке. Потом же Сюгнеус стал основателем системы финской народной школы, ее «отцом».

Феннизация в Петербурге была видимым и сама по себе четким элементом. Многоязычие петербургского большинства было довольно относительным, т. к. из 1,2 млн жителей по переписи 1897 г. почти 86,5 % были русскими. В то время, во всяком случае, иначе чем сейчас, в Петербурге имелось значительное немецкое меньшинство, 4 %, т. е. около 50 000. Количество финнов исчислялось одним процентом, но помимо этих зарегистрированных по-фински говорило, разумеется, стотысячное ингерманландское население окрестностей и постоянно прибывавший в город с перешейка и из разных мест Восточной Финляндии и не регистрируемый в паспортном столе народ. Кроме того, 0,3 % городского населения были «шведами» — по большей части родом из Финляндии.

Говорилось, что в Петербурге финн мог быть как дома и получать все ему требуемое, используя только финский язык. Железная дорога в Финляндию и Финляндский вокзал находились даже в собственности Великого княжества. В известных местах, между прочим, на так называемой Выборгской стороне финны жили довольно тесной общиной. На финском языке выходили газеты, печатались книги, даже Финский народный календарь, в котором легко можно было найти адреса соотечественников, объявления о театральных постановках и многочисленных обществах, не говоря уже о религиозных службах.

Отношения Великого княжества и столицы стали теснее, когда в 1870 г. начала работать железная дорога Рийхимяки — Петербург, которая соединила Питер с Хельсинки. Стратегически важная для империи дорога проходила довольно далеко вглубь страны, чтобы можно было осуществлять в случае надобности переброску войск, избегая при этом исходящей с моря опасности. Во всяком случае, она сделала возможным переброску из имперской столицы в Гельсингфорс десятков тысяч людей за десять часов и еще более быстро. В пути делали остановку на вокзале Кайпиайнен, чтобы с удобством перекусить. Уже не нужно было замечать распутицу, шторма и иные непредвиденные явления природы, которые могли сделать морское плавание кошмаром, а поездку в повозке — долгим и тяжелым испытанием. Предложение породило спрос, а вдоль дороги по перешейку появилось большое количество русских дач. Когда Финляндия стала независимой, морское побережье перешейка находилось скорее в собственности российских, а не финских граждан. Земля была продана. Это обстоятельство, а также стратегические соображения побудили имперских чиновников прийти к выводу, что южные волости на перешейке следует отделить от Великого княжества и присоединить к метрополии. Для финнов это было кошмаром, который они сами себе устроили.

Во второй половине XIX в. дали о себе знать два важных явления — мегаполисы и массовый туризм. Для финнов наиболее близким мегаполисом был Петербург, численность населения которого достигла в середине века полумиллиона человек, а к 1910 г. — почти 2 миллиона. Это означало, что город стал входить в избранную гвардию немногих европейских и мировых мегаполисов. Гельсингфорс также рос, в 1910 г. численность его населения достигла 119 000 человек, и в тогдашних условиях он стал небольшим крупным городом.

Мегаполисы представляли собой новую форму жизни, которая в других местах не встречалась. Современный образ и темп жизни и удовлетворения повседневных потребностей, анонимность отношений людей, современный темп жизни, индустрия развлечений служили постоянными импульсами, все здесь резко порывало с сельской жизнью и, по мнению многих, не в лучшем отношении. Во всяком случае, мегаполисы уже сами по себе принадлежали к эпохе новых людей, и вообще можно утверждать, что происхождение всех новых достижений человечества, хороших и плохих, следует искать именно в них. Туристы, которые странствовали в ностальгическом мире природных чудес и руин, начали теперь проявлять интерес и к объектам в мегаполисах. Международные выставки и другие крупные выставки, которые во всех мегаполисах начали проводиться после мировой выставки в Лондоне в 1851 г., были нацелены на привлечение туристических потоков.

Зрелищ действительно хватало. Только уличное освещение в крупных городах с его ослепительными лампами накаливания, впечатляющие мосты через реки, вокзалы и прочие огромные центры, площади и залы, которые появились, чтобы служить гигантским концентрациям людей, даже канализационные системы являлись сами по себе достопримечательностями. Размеры зданий поражали прибывших из несравненно более скромной обстановки гостей, и человеческая сутолока широких улиц трепала и возбуждала нервы — по крайней мере, по мнению модной медицинской науки. Искусство, наука, высокая культура и щегольские празднества ведут свое происхождение от крупных городов. Дворцы монархов и аристократии, публичные здания и памятники, кичливый блеск гвардейских полков, фейерверки и салюты ассоциировались именно с крупными городами. В них простому люду предлагалось бесконечное число удивительного.

Финские газеты публиковали в XIX столетии много писем читателей. Корреспондентами нередко бывали местные пасторы, студенты и другие активисты. Даже грамотные крестьяне могли посылать в газеты свои истории. Вообще эти рассказы местных корреспондентов повествуют именно о местной жизни и необыкновенных или иных значительных событиях, но также об общепользовательных делах и новостях, даже о новой русской литературе или о славянофилах. Следует учитывать, что губернские газеты имели тогда вес. Говорившая по-фински публика особенно проявляла интерес к губернским газетам, чья читательская

аудитория состояла из представителей охваченных духом просветительства финскоязычных кругов. Где были эти люди, там было будущее.

Писания туристов нередко повторяли одни и те же картины. Каждый побывавший в Петербурге дивился Исаакиевскому собору и Зимнему дворцу. Огромные мосты были и в мировых масштабах чудесами, для которых ближе Лондона подобия не найдешь. Все туристы проявляли интерес к пестрой национальной жизни и экзотике, а также к уровню цен. Поражало количество товаров, покупательная способность мегаполисов допускала приобретение и продажу самых удивительных товаров. Универмаги начали появляться именно в XIX в., и в Петербурге у них были свои соответствия. Культура повседневной жизни также почти всегда привлекала внимание туристов, неприветливость людей или дружелюбие, склонность к совершению правонарушений или порядочность были темами, о которых стремились поведать.

Стереотипы для человеческого сознания являются нормальными и необходимыми средствами, как отмечал социальный психолог Антти Эскола. Их туристы также конструировали в своих сообщениях, хотя и, с другой стороны, также вносили исправления в бытовавшие упрощенные представления, как лучше знающие предмет. Поскольку дело касается писем финнов из Петербурга, читатели в конце XIX в. ожидали враждебных финнам настроений в имперской столице. И газеты неизменно сообщали о нападках «Нового времени», «Московских ведомостей» и других антифински настроенных изданий. Однако и дружественное отношение русских и благожелательные воспоминания проводивших в Финляндии отпуск могли попадать в новостные сообщения.

Стереотипное восприятие финскими туристами Петербурга и его жителей не было, однако, преимущественно отрицательным. Негативной чертой было выпрашивание чаевых, с которым сталкивались повсюду, в остальном русские представляли в довольно положительном свете. Заслуживающими внимания деталями были такие факты, как незначительные сословные различия, что «видно повсюду», а также малое отличие сельской местности и города: горожане внешне выглядели крестьянами. Мысль о незначительных сословных различиях в России на первый взгляд представляется неожиданной. Ведь российское общество было поляризованным, в нем огромное по численности и находившееся

в самом низу крестьянство вынуждено было трудиться за мизерную плату как в промышленности, так и на службе у помещиков. На противоположном полюсе были богатейшие сословия. Средний класс фактически отсутствовал. Рост населения подрывал, однако, как в свое время в Финляндии, положение независимого крестьянства, тогда как доля арендаторов и безземельных в населении возрастала, но в Финляндии господствовала традиция крестьянской независимости и самоуверенности, которая заведомо не допускала раболепства и подчеркивала чувство собственного достоинства.

Несмотря на это, к мысли о незначительном различии российских сословий следует относиться серьезно. Речь вовсе не о независимости и чувстве собственного достоинства, а о других делах, связанных с практикой повседневной жизни. Представляется вполне обоснованным предположить, что русские княгини держали себя со своими слугами более тепло и просто, чем хозяйка и хозяин маленького финского дома. Также в старой российской армии, которая отнюдь не славилась равенством и своим отношением к «демократическим» ценностям, отношения рядового состава и офицерства нередко рисовались простыми и до некоторой степени более близкими, чем те были в республиканских странах. Особенно такая слава связывается с образом насмежавшегося над пруссачеством Суворова, которого русские всегда высоко ценили. Пожалуй, даже у традиционного русского патернализма было что предпринять в этом деле.

Как бы там ни было, Петербург XIX столетия был для финнов, если судить по финляндским газетам, полной экзотикой. В одном репортаже 1883 г. повествовалось о том, что в тамошнем трактире можно получить самые экзотические блюда: чудесную рыбу из любой российской реки, икру, блины, колбасы и т. д. Все было дешево. Общество было смешанным, в Финляндии его явно невозможно было бы и представить в одном и том же месте: мужики хлебали суп из мисок, бабы кормили детей. Чиновник в поношенном мундире читал газету, а «святые братья», т. е. попы пили водку. Вскоре собутыльники затянули песню, затем уже «завязалась драка», но люди примирились и целовали друг друга. Подобного в Финляндии и ожидать было нельзя. Автор подчеркивал, что атмосфера очень сильно отличалась от финской: никто не тревожил другого. «Такого жестокого дебоша, как у нас» не было и в помине. Напрасно утверждать, что в этом отношении разница между Финляндией и Россией все еще сохранялась и,

т. о., представлять эту разницу относящейся к глубинным структурам культуры. Идиллия, однако, не была совершенно полной, напоминал автор: в этом месте лучше было держать руку на бумажке...

Свидетельство о Петербурге наиболее известного, пожалуй, в те времена финского журналиста Юхани Ахо представляет особый интерес. Он впервые приехал в этот город в 1891 г. Тогдашние нападки националистической прессы на Финляндию были на полном ходу, в предшествующем году был издан почтовый манифест, который заставлял предвидеть плохое. В том же году была опубликована знаменитая новелла Ахо «Мой стойкий народ», получившая необычайно большое символическое значение, которую заметили даже русские националисты, подвергнув ее нападкам. Ахо принадлежал к кругу Элизабет Ярнефельт, и у него благодаря этому было неплохое знание русской культуры, что хорошо чувствовали даже дети Ярнефельтов — Арвид, Ээро и Каспер. Из больших городов Ахо хорошо знал Париж, в котором провел год. Таким образом, Петербург не мог поразить его лишь чудесами большого города.

По мнению Ахо, поездка в восточную метрополию не обещала приятных ожиданий. Из Финляндии обычно стремились на запад и в этом направлении всегда охотно двигались. Петербургская дорога была лишь черным ходом, через который прошмыгивали как можно быстрее и только в бедственной ситуации. Правда, Петербург способен был предложить те же прелести, что и другие города мира. Театры и концерты, бурная жизнь улиц и анонимность были здесь теми же самыми, что и в других местах. Но кое-что в Петербурге давило, и писатель полагал, что некоторое время назад дело так не обстояло. Деловые связи и новейшая российская гениальная литература оживили финско-русское взаимодействие, но затем «хозяин» начал действовать угрожающе. Теперь русский дух уже протянул свои пальцы и щупальцы повсюду в Финляндии. В самом маленьком провинциальном городке даже вывеска на телеграфной конторе уже была на русском языке. Кокарды, мундиры, одежда извозчиков и уличные вывески были в Финляндии теперь русскими, размышлял автор. Обозначения были новыми, но не обещающими.

В Восточной Финляндии поездом стал пользоваться новый народ. В толпе были русские, но те, кто изъяснялся по-фински, говорили на своем диалекте, далеком от того, который слышали западнее. Они наводнили Петербург и говорили о нем как о своем

собственном городе. Они считали свои расходы и получали доходы в рублях и копейках.

В Петербурге на Ахо произвели большое впечатление ровность и необычайная пропорциональность города. Улицы были удивительно длинными, мост через Неву поражал своими размерами. Здания походили на казармы, будто находишься «в стране равнин, рек, военных, казарм и пушек».

Русский повсюду один и тот же, он везде, замечал Ахо. Хотя Петербург был, разумеется, европейским городом, едва ли во всей этой части света был другой более национальный столичный город, полагал Ахо, где улицы не были столь широки, но где не было такого изобилия земли. «Такого блеска золота и кричащей яркости красок» не было и в восточных странах, но это было частью России. «Слащавость и полнота, характерные для продуктовых лавок, и та жирность, которая сочится из кухни до самой улицы, может ли быть где-то еще, кроме как здесь, где страна черного гумуса выставляет все лучшие продукты!» И русский по природе своей — «довольный, милый, медоточивый». Своими корнями он уходит в изобильность своей страны, а в целом его труд оплачивается так щедро. Русский человек беззаботен и добродушен, он с легкостью снимается с места, «когда он немного выпьет, то его легкая кровь бьет ему в голову неистовством злости и горечи, но он желал бы страстно расцеловать каждого и весь мир». А когда он видит доброго коня, он несется за ним во весь опор вдоль широкого Невского проспекта, где осторожный иностранец смотрит ему с удивлением вслед и спрашивает, как это возможно...

По наблюдениям Ахо, в Петербурге встречались истинно русские мужики и модные франты, крестьянские возки и изящные кареты. Западноевропейские модные магазины и местные лавки, парижские рестораны и местные трактиры соседствовали друг с другом. Петербург был головой гигантской России, тогда как Москва — ее сердцем. Внешние черты головы были, пожалуй, довольно изящными под влиянием западной цивилизации, но в глазах было подлинно русское выражение, а за морщинами на лбу жили подлинно русские мысли. Все это было бы забавным и производило бы благоприятное впечатление, размышлял писатель, «если бы только эти мозги понимали, что другие и самые малые любят в себе свое собственное своеобразие и что то, что для них самих считается дорогим и святым, оно столь же дорого и свято и для других».

Текст Ахо четко отражает ту давящую политическую атмосферу, которая преобладала в отношениях между Финляндией и Россией уже несколько лет и стремилась распространиться до уровня обычной будничной практики. Это настроение определено не распространялось на крестьян приграничных волостей и мелких торговцев, но финляндская интеллигенция чувствовала его повсюду. На приезжавших в Петербург, в город финляндской судьбы, либеральных интеллектуалов из национальных меньшинств более или менее против своего желания давила громадность России, свидетельством которой служил Петербург. Душа России представляла необъяснимо иной и непредсказуемой, хотя она не была лишена симпатичных черт.

Репортаж Ахо — это сбалансированное и интеллигентное слово современника. Безусловным исходным пунктом для писателя было почти полное отличие Финляндии от России, которая теперь угрожала финнам пока хотя и незначительными, но конкретными делами, такими как вывески на русском языке на телеграфных конторах. Писатель не испытывал ко всему русскому антипатии, но ужасался проникновению всего русского в его собственную маленькую родину. С общегосударственных позиций в тексте Ахо не содержится ничего особого, но иного едва ли следовало и ожидать. «Голова России», точнее, позиция петербургской прессы постоянно отражалась в финской прессе. Русский шовинизм представлял на фоне всего виденного в качестве внешней угрозы, которая несла опасность всему тому, что для просвещенной национальной публики Финляндии было дорого и свято.

Финляндия Веры Желиховской

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) принадлежала к аристократическим кругам России. Ее предки со стороны матери восходили аж к киевскому князю Ярославу Мудрому. Она была в свое время близка со знаменитостями и влиятельными людьми. Основательница теософии Елена Блаватская была ее сестрой, а министр финансов Сергей Юльевич Витте — ее двоюродным братом. Вера Петровна была писательницей, которая публиковала рассказы во многих периодических изданиях, в том числе в главном рупоре антифинляндских настроений «Московских ведомостях». В действительности писательница вовсе не была реакционным политиком, а скорее была известна своими фантастическими, теософскими